

УДК 340.1

С.В. Бирюков¹

КЛИЕНТЕЛА КАК ОСНОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Центральным вопросом современной политики и теории государственного управления является вопрос об институциональных основаниях власти. Особую значимость этот вопрос обрел в сфере регионального управления. Признавая значимость и роль неформальных оснований в организации и деятельности региональной власти, автор показывает неоднозначность ее роли в процессе властно-политических трансформаций в современной России, отмечая устойчивость института клиентелы как основания власти на местах.

Ключевые слова: клиентела, региональная власть, патримониализм, патронаж, патрон-клиентные отношения, властно-клиентарные отношения.

В условиях торжества неформальных отношений, легших в основу устройства и функционирования региональных властных институтов и механизмов в регионах России 1990-х годов, возникает вопрос об основаниях внутригрупповой консолидации региональных элит. Чтобы ответить на этот вопрос, надо уточнить характер внутригрупповых связей, преобладающих в рамках элитных групп в период трансформаций 1990-х годов.

На взгляд автора, применительно к ситуации 1990-х годов следует выделить обобщенную модель отношений в системе «региональная власть – региональная элита – региональное сообщество (социум)», которая представляла бы собой неформальный институт и являлась закономерным результатом политического процесса 1990-х годов.

Автор предпочитает говорить применительно к России 1990-х годов о региональной политической клиентеле. На взгляд автора, понятие «клиентелы» является именно таким определением, характеризующим не только форму внешней организации, но и суть взаимоотношений власти и общества 1990-х годов, а также модель взаимодействия

¹ Сергей Владимирович Бирюков, Доцент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, ул. Красная, 6, г. Кемерово, Кемеровская область, 650043, Россия, E-mail: E-mail: birs.07@mail.ru.

социально-политических акторов, охватывавшую все уровни государственной власти и управления в указанный период.

При знакомстве с литературой о социальных акторах и основаниях власти в современной России нельзя не отметить существующую понятийную разногласию: в качестве определений, властвующих в литературе употребляются такие понятия, как «(нео)номенклатура», «господствующий (правлящий) класс», «компрадорская буржуазия», «бюрократия (аппарат)», «правлящая элита», «господствующие кланы», а также другие. В современной отечественной и зарубежной литературе для определения сложившихся в поле российской политики групп используются различные понятия, среди которых – «клан», «группа», «коалиция», «картель», «корпорация» и др.

В то же время в отечественной политической науке на сегодня отсутствует сколько-нибудь определенное идеально-типическое толкование природы властвующего в современном российском обществе слоя.

При этом одним из наиболее употребимых в современной российской политологии (и в том числе в политической регионалистике) стало понятие «клан». Региональные кланы – это устойчивые политико-экономические группы, объединенные общностью политико-экономических интересов и консолидированные, как правило, вокруг руководителей региональной исполнительной власти на основании отношений личной зависимости. Личная преданность клану являлась в 1990-е годы важнейшим неформальным механизмом внутриэлитной консолидации и рекрутирования властных групп в регионах. Общность интересов способствовала формированию устойчивых политико-финансовых кланов в России как на федеральном, так и на региональном уровнях. Отличие федеральных групп от региональных в этот период было предопределено доминированием финансово-сырьевых и политико-информационных «империй» в центре и политическим приоритетом бюрократии в связке «бюрократия-бизнес» на региональном уровне. Именно эти отношения стали, как считают многие исследователи, социальной базой российского «кланово-бюрократического» корпоративизма 1990-х годов¹.

Однако, на взгляд автора, использование понятия «клан» применительно к российским элитам до известной степени правомерно, поскольку именно кланам свойственны значительная закрытость, широкое распространение патрон-клиентных отношений (в частности,

¹ Puthland P. Consolidation and Political and Political Stability in Russia. A paper for IPSA Congress. Seoul, 1997.

обязательной их составляющей – отношений личной зависимости), а также сугубо корпоративная партикулярная ориентация¹.

По мнению автора, клан – важная структурная характеристика региональной элиты, возможная форма ее внутренней и внешней организации. Таким образом, персональные вертикальные связи кланового характера вполне могут обеспечить масштабную инфраструктуру для властных взаимодействий и обмена ресурсами и выступить в роли «матрицы» властно-политического взаимодействия.

В то же время понятие «клан», отражая форму внутренней организации региональной политической власти и элиты 1990-х годов, все же не способно охарактеризовать весь комплекс отношений, сложившихся в «поле» региональной власти в этот период.

Поэтому автор полагает более обоснованным, применительно к социально-политическим условиям 1990-х годов, использование термина, который бы отражал не только структурную организацию власти и элиты, но также неравенство в ресурсах и статусе, и производные от него отношения господства и подчинения.

В этой связи интересным представляется подход ряда исследователей, рассматривающих процессы трансформации восточных обществ и государств в рамках упоминавшейся концепции «неопатримониализма», развивающей идею М. Вебера об особом типе «патримониального господства», соединяющего в себе элементы традиционного и легально-рационального типов господства, который сопровождается квазидискретной системой распределения политических ресурсов².

Наряду с этим, в связи с рассматриваемой нами проблемой, упоминания заслуживает другая категория веберовской типологии политического господства – «патримониальная бюрократия». У Вебера последнее понятие обозначает наличие специального аппарата («штаба») господства, который руководствуется правом, полностью устанавливаемым господином, и характеризуется далеко зашедшим процессом рационализации деятельности. Образования такого типа широко анализируются в литературе по социологии переходных модернизирующихся обществ, с определенными реминисценциями в отношении современной России.

Патримониалистский тип региональной политической власти, несмотря на свою способность решить некоторые проблемы

¹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 1998. С. 364.

² Eisenstadt S. Traditional Patrimonialism and Modern Neo-Patrimonialism. Beverly Hills; New York: Sage, 1993.

регионального сообщества, в конечном итоге порождает значительное количество издержек¹ и игнорирует такие механизмы демократии, как разделение властей, отделение собственности от власти, автономию структур гражданского общества по отношению к властным и политическим структурам².

Аналогии с российской действительностью 1990-х годов, позволяющие говорить о применимости термина «патримониальная бюрократия» к анализу российской политической ситуации, в данном случае очевидны: широкие государственные раздачи льгот и привилегий; отсутствие ясных и обязательных процедур: назначения на должность (например на должность глав региональных и местных администраций), подготовки указов, распоряжений; фаворитизм, создание управленческих структур «под лицо»; дополнительное денежное жалование и казенное довольствие, зависящее всецело от расположения начальника³.

При этом, на взгляд автора, понятие «патримониальная бюрократия» отражает хотя и важную, но все же не исчерпывающую характеристику процессов и результатов неформальной институционализации 1990-х годов в России, не отражает всей полноты отношений господства-подчинения в системе региональной политической власти. Вследствие чего для исследования особенностей функционирования региональных властных институтов в указанный период требуется более комплексное понятие, которое необходимо сформулировать и обосновать.

Определение, выражающее суть данных отношений, призвано выразить конкретно-историческое и конкретно-социологическое содержание тех асимметричных отношений, которые всегда связывали носителей разных потенциалов властной мощи. Оно также должно отражать характер присвоения, обмена и владения ресурсами, а также средства господства, реализуемые в официальных и/или неофициальных институтах, обычных практиках власти. При этом должны иметься в виду как отношения между управляющими и управляемыми, так и отношения внутри господствующего слоя, которые этот слой определенным образом структурируют и организуют.

Автор предпочитает говорить применительно к России 1990-х годов о региональной политической клиентеле как об идеально-типическом понятии, характеризующем сущность властно-политических отношений регионального уровня в этот период.

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. С. 221.

² См.: Braud Ph. Penser l'Etat. Paris: Edition de Seuil, 2004. P. 67.

³ Афанасьев М. Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. – 1994. – № 1. – С. 121-126.

Автор определяет политическую клиентелу как специфическую форму сети вертикального типа, в рамках которой позиции привилегированных акторов («патронов») занимают официальные властные институты и их руководители (лидеры), монополизирующие доступ к политическим ресурсам, а позиции зависимых акторов (клиентов) достаются другим акторам региональной политической системы, которые вынуждены вступать с властными институтами различного уровня в отношения «неравноценного обмена» с целью добиться влияния на принимаемые властью решения и учета собственных интересов в формируемой властями политике.

Для более глубокого анализа клиентарного феномена применительно к современным российским условиям необходимо рассмотреть существующие теоретические подходы к пониманию природы и особенностей функционирования политической клиентелы, содержащиеся в работах ряда исследователей.

Так, например, французский исследователь П. Таффани считает сущностью клиентарных отношений «концентрацию двусторонних соглашений между обладателями одностороннего права на принятие решений (патронами), стремящимися усилить собственную власть через обретение верности со стороны ассоциированных данников (клиентов) посредством взаимного удовлетворения их разнообразных целей»¹.

В свою очередь политической социологии утвердилось понимание патрон-клиентных отношений преимущественно как (1) личностных, частных и неформальных, основанных (2) на неравенстве в обладании ресурсами власти и разнице социальных статусов и в то же время (3) на взаимных обязательствах и заинтересованности².

Л. Ронигер и С. Н. Айзенштадт подчеркивают смешанный (синкретический) характер осуществляемого патроном и клиентом обмена разнотипными ресурсами, которые реализуются не дифференцированно (как при договоре найма или аренды), а в «комплексе». Важными чертами подобных отношений выступают «во-первых, весьма характерная комбинация неравенства и властной асимметрии с видимой взаимной солидарностью, выраженной в личной идентификации, личном сочувствии и обязательствах; во-вторых, комбинация возможного принуждения и эксплуатации с добровольными отношениями и обязательствами; в-третьих, комбинация подчеркнутой

¹ Taffani P. *Le Clienteles politiques en France*. – Paris: Editions du Rocher, 2003. – P. 10.

² Lemarchand R., Legg K. *Political Clientelism and Development // Comparative Politics*. – Vol. 4. – № 2. – (1972) – P. 151-152; Wolf E. *Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies / Ed. by M. Banton*. – L., 1966. – P. 16-18.

обоюдности, солидарности и взаимодействия патронов и клиентов с некоторой неофициальностью, полулегальностью таких отношений»¹.

Некоторые исследователи подчеркивают двойственный характер клиентелы, связанный с одновременной зависимостью и необходимостью друг в друге как образующих ее властных патронов, так и зависимых от них клиентов – то есть «различных акторов социально-политической и экономической систем»².

На взгляд автора, клиентела выступает одновременно и как особый тип сетевой структуры, и как механизм, эффективно дополняющие официальные властные институты и механизмы публичной политики в структуре региональной власти.

Клиентела также может рассматриваться в качестве специфического типа неформального института, дополняющего формально-институциональные (формально-правовые) структуры власти либо замещающего их в ситуации радикальных властных трансформаций и политико-правовой неопределенности, когда последние утрачивают свои функции.

При этом по вопросу о функциональной либо дисфункциональной природе клиентарных связей и отношений мнения у разных исследователей расходятся.

В рамках «системной» парадигмы роль патрон-клиентных отношений хорошо определяет термин, предложенный К. Ланде – «приложение». По его мнению, место последних – в «щелях» и на «обочинах» современного индустриального, открытого общества, они развиваются там, где не дорабатывают публичные правовые институты³.

В то же время рядом исследователей признается, что патрон-клиентные отношения могут выполнять стабилизационные, консервативные функции в традиционной социальной структуре, либо, наоборот, индивидуализирующую, приватизирующую, антитрадиционалистскую роль.

Но главное изменение в природе и свойствах клиентелы современного периода связано с усилением роли государства, которое делает разветвленный аппарат управления, предпринимательства,

¹ Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984.

² Lande K. H. The Dyadic Basis of Clientelism // in Schmidt S. W., Scott J. C. / Guasti L. (Hrsg). Friends, Followers, and Factions. A Reader in Political Clientelism. Berkeley, 1977. P. 13-37.

³ Lande C. H. Networks and Groups in Southeast Asia: Some Observations on Group Theory of Politics // American Political Science Review. – Vol. LXV11. – № 1 (1973) – P. 103-127; Political Clientelism in Political Studies: Retrospect and Prospects // International Political Science Review. – Vol. 4. – № 4. (1983). – P. 435-454.

регулирования и распределения структурообразующей основой правящего слоя, превращая функционеров управленческого аппарата в ключевые фигуры в сетях клиентарных связей. В качестве феномена политической практики второй половины XX века, обусловленного соединением клиентарных структур с современными бюрократическими организациями, в литературе обычно называется возникновение, наряду с зависимостью от персонального патрона, зависимости от определенного учреждения¹. В итоге государственная власть действует как публичная монополия, формально подчиненная законам и рациональным правилам, но выстраивающая отношения личной зависимости на латентном уровне.

Властные решения, принимаемые в пользу зависимых акторов, обусловлены не нормативными правилами и не содержанием официальной деятельности, будь то экономическая эффективность или социальная справедливость, а стремлением поддерживать отношения авторитета и зависимости.

Обобщая данные других исследователей, С. Айзенштадт и Л. Ронигер предлагают комплексный подход к изучению особенностей проявления патрон-клиентных отношений в современных условиях², предлагая широкую панораму их бытования в разных регионах и странах, выявляют социальные условия, генерирующие патрон-клиентные отношения, рассматривают их символические и организационные аспекты.

Они выделяют следующие возможные варианты клиентарной организации: 1) локальная диадическая межперсональная связь, 2) связь «патрон-посредники-клиента» (patron-brokerage), 3) организационное посредничество (organizational brokerage)³. В современных условиях посредничество выступает как новое явление, подтверждающее принципиальную несамодостаточность патроната, его неспособность подтвердить авторитет и влияние иначе, как обеспечивая-опосредуя доступ к более широким рынкам ресурсов – подтверждением чему является функционирование упоминавшегося нами института нотаблей («периферийной власти») в современной Франции⁴.

Наконец, следует определить, почему именно клиента, несмотря на все произошедшие с ней трансформации, остается востребованным социальным и политическим институтом. На взгляд автора, ее

¹ Доган М., Пеласси Д. Современная политическая социология. М., 1994. С. 130, 131.

² Eisenstadt S. N., Roniger L. Patrons, clients and friends. P. 247.

³ Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд. М.: МОНФ, 2000. С. 77.

⁴ См.: Gremion P. Le pouvoir peripherique. Bureaucrates et notables dans le systeme politique francais. P., 1976. P. 310-374.

востребованность в регулировании социально-политических отношений определяется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, неформальные персональные связи и сегодня не просто обеспечивают участников клиентарных сетей необходимыми и желаемыми ресурсами, но одновременно удовлетворяют их потребность в доверии и взаимной поддержке. В сложно организованном обществе доверие является одним из наиболее дефицитных ресурсов, что проявляется особенно остро при институциональных кризисах.

Во-вторых, клиентарные отношения могут формировать обширные социальные сети, иерархически организуя социальное пространство и воспроизводя тем самым традиционные модели социального порядка и политического господства, что опять же ощущается в периоды глубоких институциональных трансформаций и кризисов.

В-третьих, персональные вертикальные и горизонтальные связи могут обеспечить масштабную инфраструктуру для властных взаимодействий и обмена ресурсами, вполне адаптированную к современным условиям государственного управления и экономики.

По мнению автора, в условиях постсовременного общества, когда политическая власть приобретает подвижный и фрагментированный характер и все чаще опирается на сетевые связи и механизмы, именно клиентела способна стать «стержнем» в системе отношений «власть – элита – общество» в результате реализации сценария «дефектной институционализации», отклоняющейся от траектории «демократического транзита».

Как считает автор, клиентела не представляет собой однозначно дефектный и дисфункциональный неформальный институт и в случае, когда она выступает в качестве основания политической власти (в том числе региональной). Наличие клиентарных отношений в поле политической власти не отрицает сетевых механизмов воспроизводства социального капитала, но представляет собой их специфическую видоизмененную форму, детерминированную социокультурно, социально-экономически и институционально в зависимости от особенностей конкретного региона и страны в целом. В условиях торжества на местах патриархального типа политической культуры и производной от него патерналистской ментальности, клиентела – не патология, а естественный механизм, входящий в структуру политической власти. В подобном случае, без наличия разветвленной клиентарно-сетевой структуры власть не станет в полном смысле слова политической, а региональные сети, воспроизводящие социальный капитал, и входящие в них акторы без взаимодействия с региональной властью не станут полноценными участниками регионального политического процесса. В свою очередь, без клиентарного

взаимодействия с властью сетевая структура теряет политический смысл, поскольку сетевой капитал не будет конвертирован в политический. В итоге сеть клиентарного типа превращается в ее структурную основу и ключевой механизм.

Наиболее ярко это проявляется на уровне региональной власти.

Как полагает автор, **в рамках регионального политического пространства существует объективно больше предпосылок для формирования властно-политических клиентел**, в силу более густого и плотного характера региональных политических сетей, большего веса неформальных институтов и отношений в «поле» региональной власти, а также большей степени ее персонификации.

К подобным выводам приходит в своей работе американский социолог Р. Патнэм, изучавший патрон-клиентские отношения на уровне провинций Южной Италии, где последние, по мнению автора, легли в основу отношений региональных властей, местных сообществ и других акторов региональной политической системы (партий и профсоюзов)¹. Французский политолог П. Гремьон приходит к выводу о функциональном характере клиентарных по своей сути отношений, сложившихся в рамках модели «периферийной власти», предполагающей взаимодействие действовавших до административной реформы 1980-х годов функционеров-префектов и региональных нотаблей, опосредующих их связь с опекаемыми ими сегментами местного сообщества². В свою очередь, французская исследовательница М. Паолетти применительно к региональной (департаментской) власти во Франции пишет об имеющем клиентарную природу феномене «локального президентства», который порожден совмещением мандатов местного, регионального и общенационального уровней, отсутствием четкого разделения исполнительной и законодательной властей на уровне региона – факторами, которые не были устранены целой серией административных реформ периода 1970 – 2000-х годов³.

На взгляд автора, в современных условиях клиентела, представляющая собой специфическую форму соединения властно-административного ресурса и неформального сетевого влияния, может выполнять ряд ключевых социально-политических функций в рамках региональной политической системы:

¹ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. С. 117-120.

² Gremion P. Le pouvoir peripherique. Bureaucrates et notables dans le systeme politique francais. Paris, 1976. P. 310-374.

³ Paoletti M. Decentraliser d'accord, democratiser d'abord. Paris: La Decouverte, 2007. P. 15-30, 49-64.

– Способна смягчать противоречия и способствовать урегулированию конфликты между институтами региональной власти, относящимся к разным ее ветвям.

– Способствует интеграции региональной политической властью политической элиты региона, урегулированию конфликтов между различными ее сегментами через систему неформальных связей и соглашений.

– В ситуации радикальной трансформации, кризиса либо «дефолта» системы региональных формально-властных институтов клиента способна обеспечить деятельность властных механизмов на основе неформальных связей между политическими акторами региона.

– Может способствовать экстренной мобилизации политических и экономических ресурсов, необходимых региональной политической власти в ситуации кризиса властно-управленческих и социально-экономических механизмов.

– Способствует консолидации в системе отношений «региональная власть – региональная элита – региональное сообщество (социум)» в ситуации социально-политических кризисов, аномии и атомизации.

– Способна снизить эффекты «бюрократического отчуждения» и «бюрократического произвола» посредством неформального контроля главы региона за региональным управленческим аппаратом, а отдельных чиновников – за теми или иными сегментами «регионального социума».

– Может способствовать урегулированию внутрирегиональных политических конфликтов за счет разрешения спорных вопросов между региональными политическими субъектами с помощью неформальных консультаций и согласований под «патронажем» официального главы региона.

– Способствует эффективному функционированию так называемой вертикали региональной власти (институты региональной власти + существующие в регионе институты местного самоуправления) в условиях правового вакуума и неурегулированности отношений между двумя этими уровнями власти.

– Может выступать в качестве механизма управления экономикой в ситуации радикальных экономических реформ и кризисов, когда не прояснены отношения в системе «власть-собственность».

Таким образом, клиента может быть востребована и эффективна как переходный политический институт в период масштабных политических трансформаций и связанного с ними институционального и правового вакуума. Она может долгое время существовать в региональных социумах, где не востребованы современные легально-бюрократические институты и соответствующий им тип легитимности и

сильно тяготение к легитимности и господства традиционного и харизматического, а также патримониалистского типа. Клиентарные отношения в поле региональной политической власти могут быть результатом как социальной регрессии (социально-экономического упадка общества), так и сознательного выбора общества и элиты в условиях кризисов переходного периода.

В то же время, как полагает автор, функционирование политической власти на основе клиентарных механизмов в современных условиях сопряжено с целым рядом недостатков:

- клиентарный механизм, отрицающий идею ограничения власти и придающий ей синкретичный характер, несовместим с механизмами реальной демократии и правового государства;

- клиентарный механизм, де-факто отрицающий политическую субъектность входящих в него «клиентов» (различных акторов региональной политической системы), способствует утверждению искаженных форм социально-политического взаимодействия, препятствуя становлению в регионах демократических политий;

- клиентарный механизм, де-факто отрицающий идею разделения властей, препятствует эффективной институционализации и становлению сбалансированных моделей институционального устройства в регионах;

- клиентарный механизм, отрицающий разделение власти и собственности, способствует утверждению в отношениях власти и бизнеса феномена внеэкономического принуждения и коррупции, может стать основой неэффективной модели внутрирегиональной экономической политики (мобилизационно-распределительного типа), блокирующей необходимые социально-экономические инновации.

На взгляд автора, альтернативой клиентарно-сетевой основе региональной политической власти может быть только другая сетевая модель, опирающаяся на совокупность горизонтальных сетевых структур, способных оказывать эффективное влияние на институты региональной власти через механизмы публичной политики. Однако для ее реализации требуется высокий уровень социально-культурного и политического развития общества, не достигнутый целым рядом обществ и регионов в современной России.

Библиография

- Braud Ph. *Penser l'Etat*. Paris: Edition de Seuil, 2004. P. 67.
Eisenstadt S. *Traditional Patrimonialism and Modern Neo-Patrimonialism*. Beverly Hills;
Eisenstadt S. N., Roniger L. *Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge, 1984. P. 247.

- Gremion P. Le pouvoir peripherique. Bureaucrates et notables dans le systeme politique francais. P., 1976. P. 310-374.
- Lande C. H. Networks and Groups in Southeast Asia: Some Observations on Group Theory of Politics // American Political Science Review. – Vol. LXV11. – № 1 (1973) – P. 103-127; Political Clientelism in Political Studies: Retrospect and Prospects // International Political Science Review. – Vol. 4. – № 4. (1983). – P. 435-454.
- Lande K. H. The Dyadic Basis of Clientelism // in Schmidt S. W., Scott J. C. / Guasti L. (Hrsg). Friends, Followers, and Factions. A Reader in Political Clientelism. Berceley, 1977. P. 13-37.
- Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development // Comparative Politics. – Vol. 4. – № 2. – (1972) – P. 151-152. New York: Sage, 1993.
- Paoletti M. Decentraliser d`accord, democratiser d`abord. Paris: La Decouverte, 2007. P. 15-30, 49-64.
- Puthland P. Consolidation and Political and Political Stability in Russia. A paper for IPSA Congress. Seoul, 1997.
- Taffani P. Le Clienteles politiques en France. – Paris: Editions du Rocher, 2003. – P. 10.
- Wolf E. Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies / Ed. by M. Banton. – L., 1966. – P. 16-18.
- Афанасьев М. Н. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. – 1994. – № 1. – С. 121-126.
- Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд. М.: МОНФ, 2000. С. 77.
- Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М., 1998. С. 364.
- Доган М., Пеласси Д. Современная политическая социология. М., 1994. С. 130, 131.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. М.: Ad Marginem, 1996. С. 117-120, 221.